
Мария Батурина
СИБИРИУМ
Игра, которая ведёт в сумрак
СИБИРИУМ
01
В ночь, когда рельсы сходятся крест-накрест, не буди Лихо,
не ешь чужого хлеба и не оглядывайся на собственный след...»
Художественное издание

Мария Батурина

Сибириум

«Автор»
2026

Батурина М.

Сибириум / М. Батурина — «Автор», 2026

Илья — писатель, Катя — фольклорист. Они живут в обычной панельке, пока на их кухонном столе не появляется массивная деревянная коробка из матового чёрного дерева «Сибириум». Ночь Самайна выкручивает их жизнь наизнанку, открывая дверь на заброшенную станцию «Тайга-Сортировочная».Сумрак не терпит суеты и металла. Здесь Кате и Илье придётся пройти сквозь вагоны плацкарта с Лихом, мёртвый посёлок, где полыхают костры Самайна, ржавый комбинат Верлиоки, пир Чернобога и Навью сказку.Они пройдут эту игру. Но вернутся ли прежними?

© Батурина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Станция «Тайга-Сортировочная» 7
Глава 2. Бесконечный плацкарт 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Мария Батурина
Сибириум

«Не всякий тупик — конец дороги, и не всякий рассвет ведёт домой. На меже двух миров плату берут не серебром, а тем, что не захочешь вспомнить утром».

Из полевых записей фольклориста

Пролог

В ноябре, когда серые панельные коробки спальных районов по самую крышу увязают в стылом тумане, а вечера наступают раньше, чем успевают остыть батареи, привычный мир становится тонким, как папиросная бумага.

В такие ночи граница между тем, что можно потрогать, и тем, о чём предпочитают молчать вслух, истончается до предела. Люди задёргивают шторы, ставят на плиту чайники и прячутся в жёлтом свете настольных ламп, не замечая, как за оконным стеклом сгущается совсем иная темнота — древняя, пахнущая прелой хвоей, ржавым железом и забытыми станциями, которых нет ни на одной карте.

Иногда эта темнота стучится в дверь. А иногда — просто садится за ваш кухонный стол и терпеливо ждёт, пока любопытство пересилит страх.

Глава 1. Станция «Тайга-Сортировочная»

В их мире древняя хтонь была надёжно заперта под замком: в пыльных университетских монографиях, в полевых тетрадях с выцветшими чернилами и в ночных черновиках, которые к утру неизменно отправлялись в корзину.

Илья и Катя жили в самой обычной серой панельке на окраине города, где из окна кухни виднелись такие же угрюмые многоэтажки, редкие фонари и узкая полоска лесополосы, за которой начиналась настоящая, бескрайняя тайга. Они делили одну тесную кухню с вечно подтекающим краном, стопку разномастных кружек и привычный, отточенный годами бытовой ритуал: по вечерам она обкладывалась распечатками заговоров и этнографическими сборниками, а он до глубокой ночи стучал по клавишам, пытаясь выжать из очередного сюжета хоть искру жизни.

Он был писателем — из тех, кто вечно ищет идеальную метафору и сгорает над пустым листом. Она — фольклористом, человеком науки, который точно знал, почему нельзя свистеть в доме, зачем на пороге клали топор и что на самом деле означает «пойти туда, не знаю куда». Вместе они составляли странный, но удивительно прочный союз: он придумывал миры, она знала, по каким законам эти миры устроены изнутри.

Тридцать первое октября выдалось промозглым и серым. За окном с самого утра моросил мелкий, колючий дождь, больше похожий на ледяную пыль, и к вечеру город окончательно увяз в густых ноябрьских сумерках.

Катя сидела на табуретке, поджав под себя ноги в толстых шерстяных носках, и лениво листала ленту в телефоне. На столе перед ней лежала открытая монография по славянской демонологии, придавленная сверху кружкой с остывшим облепиховым чаем.

— Слушай, — подала она голос, нарушая тишину, в которой слышалось только тихое гудение холодильника да редкое щёлканье клавиш. — А давай сегодня устроим себе вечер ужастиков?

Илья оторвался от ноутбука, потёр покрасневшие глаза и посмотрел на неё поверх экрана: — С чего вдруг? У тебя же завтра семинар по быличкам. — Вот именно. Профессиональная деформация, Илюш. Хочу посмотреть на чудовищ, которых придумали сценаристы с хорошим бюджетом, а не на тех, про кого мне бабушки в экспедициях рассказывали. Тем более сегодня тридцать первое октября. Хэллоуин.

Илья усмехнулся, откинувшись на спинку стула: — Кать, мы в спальном районе сибирского города. Какой Хэллоуин? У нас за окном не тыквы на крыльце, а баба Маня с третьего этажа, которая если увидит кого-то в простыне, сразу участкового вызовет. В России этот праздник не прижился. — Знаю, что не отмечают, — Катя вздохнула и закрыла книгу. — Но праздника хочется. Хоть какого-нибудь. Осень тяжёлая, серость эта за окном достала до чёртиков. Да и с точки зрения фольклора ночь сегодня особенная — граница тонкая, Самайн, Велесова ночь, время перехода. Надо же как-то задобрить тёмное время года. Я даже мандаринов купила и пару свечек достала.

Она посмотрела на него с той самой мягкой, чуть лукавой улыбкой, против которой Илья никогда не умел устоять.

— Ладно, уговорила, — сдался он, захлопывая крышку ноутбука. — Но с одним условием: выбираю я. И без твоих любимых лекций посреди фильма о том, что «на самом деле упыри в Полесье так себя не вели». — Обещаю молчать как рыба, — Катя торжественно приложила руку к сердцу и пошла к плите ставить чайник.

Вечер прошёл удивительно тепло и спокойно. Они устроились на старом диване, укрывшись одним пледом на двоих, ели мандарины и смотрели какой-то нелепый, нарочито пугающий триллер про заброшенный поезд. Катя всё-таки пару раз не выдержала и ехидно прокom-

ментировала ляпы сценаристов, Илья смеялся и грозился поставить фильм на паузу, а за окном тем временем сгущалась настоящая, густая осенняя ночь.

Около полуночи Катя, зевая, ушла спать — утренние пары никто не отменял. Илья пообещал, что «только допишет один абзац» и тоже ляжет.

Но один абзац растянулся на час, потом на два. В квартире стало совсем тихо. Только ветер глухо завывал в вентиляционной шахте, да где-то далеко за домами, на сортировочной ветке, протяжно и тоскливо прогудел ночной товарняк.

Около двух часов ночи Илья наконец закрыл ноутбук, чувствуя, что голова гудит от усталости, и вышел на кухню — заварить себе крепкого чаю, чтобы окончательно выдохнуть перед сном.

Над столом горел только тусклый ночник у вытяжки. Илья потянулся за банкой с заваркой — и в этот момент в полутьме за его спиной что-то глухо, по-деревянному звякнуло. Не упало, не стукнуло — словно кто-то осторожно поставил тяжёлый предмет прямо на клеёнчатую скатерть.

Илья замер, медленно обернулся и вслепую нашарил на стене выключатель.

Резкий верхний свет залил кухню. На середине стола, аккурат между остывшей кружкой Кати и её монографией по демонологии, стояла массивная деревянная коробка из матового чёрного дерева, поглощавшего свет так жадно, будто внутри неё была пустота. На крышке темнел искусно выжженный узор: тугое переплетение таёжных ветвей, уходящие в перспективу рельсы и острый силуэт старого паровоза. Ни штрихкодов, ни наклеек службы доставки — только одно слово, выведенное по центру тонкой серебряной вязью: *«Сибирцум»*.

Илья несколько секунд смотрел на коробку, не моргая, прислушиваясь к тишине квартиры. В прихожей было пусто, замок не щёлкал, в подъезде не скрипели ступени.

— Катя... — позвал он негромко, не сводя глаз с находки. — Кать, иди-ка сюда.

Из комнаты, кутаясь в старый шерстяной плед, вышла Катя. Сонная, с растрёпанными волосами, она недовольно прищурилась от яркого верхнего света:

— Ты чего шумишь в два часа ночи? Опять за своими черновиками засиделся? Вечно тебя тянет на какие-то сомнительные поиски...

— Смотри, — Илья кивнул на стол. — Откуда это здесь? Ты заказывала что-нибудь с доставкой?

— Я? — Катя зевнула, прикрыв рот ладонью, подошла ближе и скептически покосилась на тёмное дерево. — У меня в корзине только новая пряжа и справочник по сибирскому фольклору, да и те ещё не оплачены. Ты что, решил в настолки удариться? Или это чей-то дурацкий розыгрыш на Хэллоуин? Соседи сверху опять ремонт делают, может, через балкон закинули?

Они машинально переглянулись. Балконная дверь была плотно прикрыта, форточка заперта на тугой шпингалет. На пятый этаж с улицы такое не забросишь, а в пустой квартире, кроме них двоих, никого не было.

Катя наклонилась ближе, рассматривая выжженный узор — переплетение таёжных ветвей, уходящие в туман рельсы и силуэт старого паровоза. По центру тонкой серебряной вязью светилось одно-единственное слово: *«Сибирцум»*.

— Красивая работа, — пробормотала она, уже без прежней сонливости. — Ручная резьба, судя по всему. Может, тебе из издательства прислали? Промо-бокс какой-нибудь к новому конкурсу мистики?

— Без курьера, без накладной и в два часа ночи прямо на клеёнку? — Илья усмехнулся, но смех вышел суховатым. Он коснулся крышки кончиками пальцев — дерево оказалось ледяным, словно ящик только что занесли с тридцатиградусного мороза. — Бред какой-то. Ни замков, ни щелей. Даже петли не видны.

— Оставь до утра, Илюш, — Катя зябко передёрнула плечами, плотнее запахивая плед. — Утром разберёмся, у меня завтра пара в восемь.

Но в Илье уже проснулся тот самый упрямый азарт писателя, который вечно толкал его открывать закрытые двери и заглядывать в чужие жизни. Любопытство пересилило глухую, сосущую под ложечкой тревогу.

Он поддел крышку пальцами и сдвинул её в сторону.

Внутри не оказалось ни картонного поля, ни пластиковых фишек, ни книжки с правилами — только бархатная чёрная выемка, на дне которой лежали тугая колода карт с потемневшими, засаленными от времени краями и тяжёлый бронзовый жетон.

Катя, против воли зачарованная происходящим, забыла про сон. Она протянула руку и машинально взяла колоду, словно проверяя её на подлинность — картон оказался плотным, шершавым, пахнущим старым кедровым сундуком и сыростью. Илья же вытянул со дна жетон с глубоко выбитым номером «01».

Стоило ему зажать холодный металл в кулаке, как по кухне пронёсся низкий, густой гул — словно этим движением они сорвали предохранитель невидимого, гигантского механизма.

Воздух вокруг стола сгустился так резко, будто они в одно мгновение провалились на дно глубокого колодца. Лампочка под потолком мигнула и зашипела. Тишину разорвал утробный, металлический скрежет — так гудит земля перед подземным толчком.

— Илья, что... — начала Катя, но её голос утонул в нарастающем грохоте.

Пол под ногами задрожал. Остывшая кружка на столе жалобно звякнула, покатилась по клеёнке, но звука падения на пол уже не было. Стены кухни начали стремительно размываться, растворяясь в плотной, молочной дымке. Обои поплыли серыми полотнищами, привычный мир затрещал по швам, выкручивая пространство наизнанку — и в следующую секунду всё провалилось в глухую, звенящую пустоту.

Когда пелена немного рассеялась, резкий сырой запах озона, креозота от шпал и прелой, осенней тайги ударил в нос.

Илья и Катя стояли не на своей кухне. Они очутились на широкой платформе заброшенной железнодорожной станции, тонувшей в непроглядном тумане. Над потемневшей от времени деревянной будочкой дежурного криво висела проржавевшая табличка с выцветшими буквами: *«Станция Тайга-Сортировочная»*. Вместо привычных фонарей вдоль путей тянулись странные, зловеще мерцающие изнутри объекты — ряды аккуратно вырезанных тыкв с оскаленными глазами-улыбками, в чьей глубине тлели багровые угли, отбрасывая длинные, пляшущие тени на ржавый щебень.

Катя остолбенела, судорожно вцепившись в рукав Ильи так, что пальцы побелели. Её обычный скепсис учёного, привыкшего всё раскладывать по полочкам картотеки, рассыпался в прах, сменившись леденящим оцепенением.

— Какого… чёрта? — выдохнула она, озираясь по сторонам. Пар клубился изо рта — здесь стоял промозглый, предзимний холод. — «Тайга-Сортировочная»? Нет такой станции на нашей ветке, я все маршруты области знаю! Мы что, спим? Илюш, скажи, что мы уснули под тот дурацкий фильм!

— Тихо, — Илья крепче сжал в кулаке бронзовый жетон, сам едва сдерживая дрожь. Металл теперь обжигал ладонь живым теплом. Внутри него, как у человека, привыкшего складывать разрозненные сцены в единый текст, уже зрело горькое, бесповоротное понимание. — Не спим. Похоже, мы вляпались в ту самую игру.

Катя нервно дёрнула плечом, силясь заглушить подступающую панику привычной иронией — единственным щитом, который у неё оставался:

— Ну просто великолепно. Передай своему «Сибириуму», что я вообще-то собиралась выспаться перед семинаром по быличкам.

— Острить будешь потом! — шикнул на неё Илья, не сводя глаз с молочного тумана впереди.

Из серой мглы, медленно и тяжело стуча колёсами по стыкам, выплыл огромный старинный поезд. Вагоны были покрыты тёмным, потрескавшимся лаком, а на бортах тускло мерцали золотистые вензеля, похожие на вязь с крышки коробки. Состав затормозил как раз напротив них, обдав платформу облаком горячего пара, и дверь ближайшего вагона со скрипом отворилась.

На ступеньки шагнула высокая фигура в длинном тёмном балахоне. Лицо скрывала глубокая, непроницаемая тень капюшона, а в руках она бережно, баюкая, словно живое дитя, укачивала большой выдолбленный тыквенный плод, внутри которого тихо потрескивали живые угольки. От неё веяло могильным холодом вечной тайги и неминуемостью.

Катя судорожно втянула воздух — в памяти фольклориста мгновенно всплыли старые сибирские былички: *Полуночница*. Та, что приходит в глухой час, чтобы подменить или увести за собой. Только здесь, на стыке ночей, древний славянский страх нарядился в чужую, хэллоуинскую маску.

Существо подняло голову, и из глубины капюшона раздался шелестящий голос, похожий на шорох сухой, опадающей листвы:

— Долго же вы шли до нашей сортировки. Пора занимать места. Игра только начинается.

Отказываться было бессмысленно — позади, за спинами, простиралась лишь слепая, мёртвая пелена, в которой не осталось ни стен их кухни, ни привычного города. Переглянувшись с побелевшей Катей, Илья глубоко вдохнул сырой, пахнущий хвоей и железом воздух и шагнул вперёд.

Глава 2. Бесконечный плацкарт

Они поднялись по скрипучим ступеням в тамбур и затворили за собой тяжёлую дверь. Внутри пахло старым бархатом, остывшим углём и вековой пылью. Поезд дёрнулся, глухо вздохнул и плавно тронулся в путь сквозь бесконечную ночную тайгу.

Занавески на окнах вагона были сшиты из грубого, выцветшего до грязно-бурого цвета бархата, который на ощупь казался влажным и покрытым тонким слоем угольной пыли. Под потолком вместо привычных ламп тускло мерцали мутные желтоватые плафоны, внутри которых лениво бились о стекло ночные бабочки, а воздух был густым от запаха машинного масла, сырой земли и остывшего за века угля.

Этот плацкарт не кончался ничем. Сколько ни вглядывайся в полумрак узкого прохода, зажатого между рядами полок, тусклые отсеки уходили в звенящую, тягучую бесконечность — словно поезд катился не по стальным рельсам, а сквозь чью-то чужую, застрявшую во времени память.

— То есть ты хочешь сказать, — Катя опустилась на жёсткое, жалобно скрипнувшее пружинами сиденье боковушки, судорожно обхватив плечи руками, — что эта деревянная хреновина с треклятыми картами на нашей кухне… это был портал? И мы теперь едем в поезде-призраке? Я сплю. Разбуди меня. Пожалуйста, Илюш, скажи, что я сплю.

— Если ты спишь, то этот коллективный кошмар почему-то снится в соавторстве.

Илья с опаской оглядел качающийся проход, где вместо привычных номерков над полками висели выцветшие, заляпанные сургучом бирки без единой буквы. В кулаке всё так же тяжело и горячо лежал бронзовый жетон с выбитым «01».

— Надо было выбросить ту коробку в окно ещё тогда, когда она только звякнула на столе, — глухо добавил она. — Нет, тебе же «любопытно посмотреть на шрифты».

— Я думал, это маркетинг! Или дурацкий розыгрыш на Хэллоуин! — Илья всплеснул руками.

Первый ледяной шок на секунду отступил — его сменило праведное возмущение учёного и человека текста, которому подсунули откровенную халтуру жанра.

— Кто вообще придумывает такие правила? Сесть в плацкарт посреди ночной тайги к славянской Полуночнице с тыквой вместо барсетки? Это же дикая мешанина фольклорных традиций! Какой идиот написал этот сценарий?

Илья горько усмехнулся, покосившись на заиндевелое окно:

— Похоже, у этого сценариста бюджет побольше нашего, раз декорации такие убедительные.

За двойными, покрытыми матовыми морозными узорами стёклами не было видно ни ночного неба, ни редких путевых огней — только сплошная, непроницаемая стена мокрого ельника, сквозь которую сочился мертвенный, серо-синий свет. Воздух в проходе сгущался, становился напряжённым, наэлектризованным, так что на кончиках пальцев покалывало от невидимого статического разряда, а металлические поручни неприятно жгли ладони могильным холодом.

— Предъявление проездных документов обязательно, — раздался прямо над ухом тяжёлый, скрежещущий бас.

Илья вздрогнул, а Катя вжалась спиной в жёсткую обивку боковушки.

Рядом с их отсеком стоял проводник. Лицо его скрывала глубокая тень низко надвинутой форменной фуражки. Из-под козырька свисали сухие пряди цвета пригорелой соломы — не волосы даже, а колтун, слипшийся сосульками, как мёртвый мох на трухлявом пеньке. От него тянуло палёной шерстью и мокрой трухой. Посреди широкого лба, затянутого мертвенно-блед-

ной, восковой кожей, зияла единственная глазница — глубокая, без век, и в ней тяжело тлел оранжевый уголёк, источая едкий, сухой жар. Глаз не мигал.

Чуть позади, неуклюже покачиваясь в такт мерному стуку колёс, балансировал живой светильник Джека в засаленной путейской ушанке — в маленьких скрюченных лапках он аккуратно держал тяжёлый металлический подстаканник с тёмной, кипящей жижей, от которой поднимался густой, пахнущий хвоей пар.

— У нас… нет билетов, — Илья сглотнул, стараясь не смотреть прямо в тлеющую глазницу. — Мы случайно сели. Нас перенесло. Деревянная коробка, на ней написано «Сибириум». Мы думали, это игра такая. Шутка.

Проводник молчал. Только сухие пряди над козырьком шелестнули в такт колёсам — глухо, как осенний репейник. Потом он медленно, с неприятным скрипом вытащил из нагрудного кармана потёртую папку со скоросшивателем, от которой веяло ледяным холодом заброшенного морга, и демонстративно щёлкнул металлическим зажимом. Уголёк в глазнице недобро сузился.

— Касательно отсутствия проездных документов на руках у пассажиров, — проводник раскрыл потрепанный формуляр и заговорил занудно, чеканя каждое канцелярское клише сухим, скрипучим слогом. — Согласно регламенту межмирового сообщения и параграфу седьмому инструкции НП-7 по внештатным перемещениям изнанки безбилетный проезд пресекается незамедлительно. В соответствии с протоколом ваш инцидент подлежит передаче силам ДО — Дикой Охоты — на ближайшем сортировочном узле с последующей утилизацией биоматериала в угольном котле. Возражения имеются?

— Погодите! — Катя выставила перед собой дрожащую руку, чувствуя, как от страха каменеют пальцы. — Должен же быть какой-то законный порядок урегулирования споров! Мы готовы компенсировать ущерб.

Проводник холодным, отсутствующим взглядом уставился на неё, медленно постукивая чернильной ручкой по обложке папки.

— Предметы материальной компенсации? Урегулирование в досудебном порядке допускается исключительно при условии предоставления уникальной информации нематериального характера. Субъекты обязаны представить в трёх экземплярах достоверную историю, способную нанести максимальный моральный ущерб слушателю. Время пошло. Регламент жёсткий, задержка состава не предусмотрена.

Илья лихорадочно соображал, чувствуя, как с каждой секундой пространство вокруг них сужается, спрессовываясь в тугую, готовую сорваться пружину. Глаз один. Папка казённая. Пахнет мокрой трухой и палёным… Он поймал короткий, отчаянный взгляд Кати — та одними губами, беззвучно выдохнула одно-единственное слово, доставая его из самых глубин своих этнографических картотек: *«Лихо»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.